

СМЕХ & ГРЕХ

Рия
Трей

Правило
исключения
~~для~~ **БОССА**

18+

Рия Трей

Правило исключения для босса

<https://litres.ru/74278569>

SelfPub; 2026

Аннотация

Босс делает шаг ко мне. Ещё один. Мы стоим почти вплотную.

— Ты когда-нибудь целовалась с начальником?

— Что? — переспрашиваю я шёпотом.

— Я спросил, есть ли у тебя опыт совмещения работы и личного.

Я молчу. Я, кажется, вообще разучилась говорить.

— Ты меня слышишь? — спрашивает он.

— Д-да.

— И?

Я должна сказать что-то умное. Что-то в духе сильной, независимой женщины. Что это неприемлемо. Что это харассмент. Что нам нужно сохранять дистанцию.

Вместо этого я говорю совсем не то

Восемь месяцев я ненавидела своего босса Алекса Градского. Самодура. Придиру. Красавчика с глазами цвета стали, от взгляда которого у меня подкашиваются колени. Он изводил меня на совещаниях, а ночами... я думала о его руках. И когда однажды мы случайно встретились в офисе в субботу, случилось то, что разрушило все мои правила. Но как объяснить сердцу, что

выбрало не того? Или правила созданы, чтобы делать в них исключения?

Содержание

Глава первая. Вечер пятницы и медленная катастрофа	5
Глава вторая. Ненависть с первого взгляда	8
Глава третья. Взрывное совещание	11
Глава четвёртая. Субботнее утро, кофе и полный крах	14
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Правило исключения для босса

Глава первая. Вечер пятницы и медленная катастрофа

Я смотрю на него и думаю: «Боже, какой же он красивый. И какой же он мудака».

Это не взаимоисключающие понятия, как выясняется. Алекс Градский смотрит на меня с экрана ноутбука, и даже через пиксели его взгляд прожигает во мне дыру.

Ему тридцать пять. И у него есть эта дурацкая привычка смотреть чуть исподлобья. Отчего кажется, что он постоянно либо злится, либо хочет тебя раздеть.

Чаще всего второе, но злится он тоже регулярно.

— Агата, — говорит он низким, с хрипотцой голосом, от которого у меня внутри что-то переворачивается и падает в живот, — ты почему молчишь? Я задал вопрос.

Я моргаю.

Вопрос. Точно. Мы на созвоне. Алекс владелец рекламного агентства «Бешеная ракета». Да-да, я знаю, дурацкое название. Но босс это сам придумал и невероятно гордится. Креативщик хренов.

А я копирайтер. Вернее, я стажёр, который вкалывает как проклятый, чтобы босс, наконец, перестал называть меня «девочкой», как будто я ребёнок, и начал относиться ко мне как к серьёзному специалисту.

— Я обдумываю варианты, — вру я максимально уверенно.

На самом деле я обдумываю, какого цвета у него сегодня глаза. Кажется, серые. Или голубые? Они вечно меняются, как у хамелеона, сволочи.

— Обдумывай быстрее, — отрезает он. — У тебя три минуты. Я жду концепцию для «Северстали». Без соплей, твоих тупых сантиментов и ламповости, нам нужна сталь. Понимаешь?

Он откидывается на спинку кресла. На нём белая рубашка с закатанными рукавами. Я вижу его предплечья с выступающими венами. Почему это так заводит? Почему меня заводит, что он командует?

Я сильная, независимая женщина. И вообще феминистка, мать вашу! Я должна бежать от такого токсичного мачо. Но вместо этого я краснею от взгляда босса, сидя в своей комнате в пижаме с зайчиками и делая вид, что грызу ручку и думаю над его вопросом.

— Сталь, — повторяю я, пытаюсь сосредоточиться. — Металл. Холод. Твёрдость.

— Именно. Я надеюсь, ты понимаешь, о чём говоришь. Это намёк. Я понимаю. Алекс любит намекать. Босс счи-

тает меня легкомысленной. Ведь я красилась в розовый? Да, красилась. Возможно, поэтому. Но от этого намёка моё лицо снова заливает краской.

— Я понимаю, что вы хотите продать металлопрокат, — говорю я максимально сухо, пытаюсь справиться с глупым смущением. — И что целевая аудитория — суровые дядьки в касках. Им не нужны стихи про нежность металла.

Алекс чуть заметно улыбается. У него потрясающая улыбка. И она меня пугает, потому что появляется редко и всегда не к добру.

— Умница, — говорит он. — Работай. Завтра к девяти жду три варианта.

Экран гаснет. Он отключился, даже не попрощавшись.

Я откидываюсь на подушки, жмурюсь и от злости стучу кулаками по дивану.

— Козёл, — говорю я вслух.

Моя кошка Соня, дремлющая на подоконнике, открывает один глаз, соглашаясь со мной.

Глава вторая. Ненависть с первого взгляда

Я ненавижу своего босса Александра Градского, или как он просит всех его называть, Алекса, ровно восемь месяцев, две недели и три дня.

С того самого момента, как меня взяли на стажировку в компанию. Едва я переступила порог драгоценного агентства Градского с дипломом журфака и горящими глазами, как мой босс делает всё, чтобы эти глаза погасли.

— Резюме? — он даже не взглянул на меня тогда, листая какие-то бумаги. — Опыта ноль, портфолио детский сад, внешность — кукла Барби. Зачем ты вообще сюда пришла, девочка?

— Меня зовут Агата, — ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал, заправив розовый локон за ухо. — Я не девочка. Мне двадцать три. И я умею хорошо писать.

— Писать умеют все, — отрезал он, поднимая на меня глаза.

И тут случилось то, чего я не ожидала. Он посмотрел. Прямо в глаза. И мир замер на секунду. Потому что такие глаза должны быть запрещены законом. Не то зелёные, не то серые, со льдинками в радужке и в обрамлении тёмных ресниц.

Глаза хищника. Красивого, опасного хищника, который сейчас решает, съесть тебя или оставить на потом.

— Ладно, — сказал он после паузы, которая длилась вечность. — Испытательный срок — три месяца. Будешь приносить кофе, писать, что я скажу и не отсвечивать. И перекрась волосы. Этот твой розовый — позорище.

Я не перекрасила полностью. Назло оставила розовую прядь. И она стала моим маленьким бунтом. Моим флагом в войне, которую мы с боссом вели каждый день.

Правда, эта война была односторонней. Я просто пыталась выжить и научиться работать. Алекс же, кажется, получал искреннее удовольствие от моего унижения.

— Агата, это текст или предсмертная записка? Где эмоции?

— Агата, ты тупая? Я просил аналитику, а не сопли.

— Агата, кофе холодный. Переделай.

— Агата, ты сегодня опять в этом бабушкином свитере? Ты вообще зеркалом пользуешься?

Я ненавидела его. Честно, от всей души. Каждый вечер я приходила домой и рассказывала своей кошке Соне, какой он козёл. Соня согласно зевала и уходила на подоконник.

Но была одна проблема. Маленькая, мерзкая, постыдная проблема.

Он был офигенно красив.

И чем сильнее я ненавидела босса, тем больше ловила себя на том, что рассматриваю его руки, когда Алекс поправ-

ляет галстук.

Или линию плеч под пиджаком.

Или вслушиваюсь в этот его, низкий, с хрипотцой голос, когда босс говорит по телефону с клиентами. Вежливо, обязательно, совсем не так, как со мной.

Я ненавидела его. Но моё тело, кажется, не читало моральные установки.

Глава третья. Взрывное совещание

Пятница, вечер. Все мечтают о выходных. Все, кроме меня, потому что Алекс вызвал меня в переговорную за пять минут до конца рабочего дня.

Захожу. Он стоит у окна, спиной ко мне. В руках кружка с кофе. Пиджак висит на стуле, рубашка с закатанными рукавами. Я вижу его предплечья. Там проступают вены. Почему это так заводит?

Боже, почему меня заводит то, что я его ненавижу?

— Закрой дверь, — говорит он, не оборачиваясь.

Закрываю. Сердце почему-то колотится.

Алекс поворачивается. Смотрит на меня этим своим бесячим взглядом исподлобья.

— Ты знаешь, какой скоро праздник?

— День космонавтики? — язвлю я первое, что приходит в голову.

Босс кривится, как от зубной боли.

— Восьмое марта, Агата. Женский день. Ты вообще женщина или так, декорация?

— Я женщина, — отвечаю сквозь зубы. — И я в курсе про праздник.

— Прекрасно. Тогда скажи мне, почему клиент «Северсталь» снова прислал отказ по твоей концепции? Второй раз за месяц. Ты хочешь, чтобы мы потеряли крупнейший кон-

тракт прямо перед праздником с раздачей бонусов?

Я сглатываю. «Северсталь» — это больная тема. Я билась над их брифом две недели, переписала десять вариантов. И каждый раз отказ.

— Я... я делала всё, что вы просили. Металл, сталь, холод, твёрдость...

— Ты делала скучно, — отрезает он. — Ты делала шаблонно. Делала так, как делают все эти... — босс делает неопределённый жест, — копирайтерши с розовыми волосами, которые думают, что креатив — это рифмовать «любовь» и «кровь».

— У меня не розовые волосы, у меня одна прядь, — цежу сквозь зубы я. — И я не рифмую «кровь». Я вообще не пишу стихи.

— Агата, — босс подходит ближе. Слишком близко. Я чувствую запах кофе и его парфюма. Дорогого. Мужского. От которого у меня внутри всё переворачивается, хоть я и ненавижу его всеми фибрами души. — Ты способна хоть на что-то, кроме пререканий?

Я смотрю в его глаза. Сейчас они серые. Холодные. Как сталь, которую мы пытаемся продать. Но внизу живота почему-то всё непроизвольно сжимается.

— Я способна делать свою работу. Если бы вы мне давали нормальные брифинги, а не общие фразы, может, и результат был бы другой.

Алекс удивлённо поднимает бровь. Кажется, он не привык

к отпору.

— Ты мне дерзишь?

— Я констатирую факт.

Мы стоим друг напротив друга. Воздух между нами, кажется, искрит. Я вижу, как на его скулах ходят желваки. Он злится. Реально злится. И от этого почему-то становится страшно и... возбуждающе одновременно.

— Значит так, — произносит босс тихо, чеканя каждое слово. — К понедельнику ты делаешь новую концепцию. Если она снова провалится, ты уволена. Я не шучу.

— Я поняла, — сглатываю я.

— Свободна.

Я разворачиваюсь и вылетаю из переговорной, чувствуя, как горят щёки.

Всю дорогу до дома я трясусь от злости. Козёл. Мерзавец. Самодур. Я ненавижу его. Ненавижу!

Прихожу домой, падаю на кровать, Соня запрыгивает сверху и начинает топтаться лапками по моей спине.

— Соня, — говорю я в подушку. — Я его убью.

Соня мурчит. Ей плевать.

Глава четвёртая. Субботнее утро, кофе и полный крах

В офисе выходные — это святое, но не для меня. Я припёрлась, потому что дома не пишется, а в офисе есть кофе. Кофе — это любовь. И тишина. И сегодня никто не дышит в спину с ехидными замечаниями.

Алекс тоже любит кофе, но он здесь бывает только по большим праздникам. В субботу его быть не должно.

Поэтому, когда я в растянутом свитере до колен, в очках, потому что линзы раздражают глаза, и с пучком на голове, который держится на карандашах, ведь заколку я снова потеряла, вхожу в опенспейс и наливаю чашку, я чувствую себя в безопасности.

Я делаю глоток. Обжигаюсь. Шиплю. И тут сзади раздаётся голос:

— Ты похожа на воробья, который нашёл крошку хлеба.

Я подпрыгиваю. Кофе проливается мне на руку.

— Ай! Чёрт!

Алекс стоит в двух метрах от меня. На нём чёрная водолазка. Безобразно, божественно обтягивающая, сволочь такая, накачанный торс босса. Простые синие джинсы. И в руках у него тоже кружка.

— Обожглась? — спрашивает он, и в голосе появляется

что-то похожее на беспокойство.

Или мне показалось?

— Нет, — вру я, заливаясь краской. — Всё отлично. Я просто... не ожидала вас здесь увидеть. Думала, вы по субботам отдыхаете от унижения сотрудников.

Босс усмехается. Не злится на дерзость.

— Я тоже не ожидал увидеть здесь ходячий пучок. Ага-та, ты вообще в зеркало смотрела, прежде чем выходить из дома?

Я инстинктивно хватаюсь за голову. Карандаши! Они торчат из пучка как антенны.

— Это... это мой стиль, — бормочу я.

— Это катастрофа, — поправляет он, но в его голосе нет злости. Он подходит ближе. Ближе, чем обычно. — Дай руку.

— Что?

— Руку, говорю. Обожглась ведь. Не будь ребёнком.

Я протягиваю ему руку. Он берёт её своими пальцами. У него тёплая ладонь. Такая тёплая, что у меня мурашки бегут по позвоночнику. Он рассматривает красное пятно на запястье.

— Будет волдырь, — констатирует он. — Пошли.

— Куда?

— Ко мне в кабинет. У меня есть пантенол. Ты вечно везде лезешь и вечно обжигаяешься. Хотя чему я удивляюсь — ты вообще ходячая катастрофа. Потом скажешь, что я тебя в офисе покалечил и не оказал первую помощь.

Он тянет меня за собой, не отпуская руки. Я иду за ним, как привязанная. Сердце колотится так, что, кажется, его слышно во всём здании.

Мы проходим через приёмную, заходим в его кабинет. Здесь пахнет кожей, деревом и его парфюмом. Дорогим. Мужским. От которого у меня подкашиваются ноги.

Он усаживает меня в кресло для посетителей, сам идёт к шкафу, достаёт аптечку.

— Ты всегда такая? — спрашивает босс, не оборачиваясь.

— Какая?

— Неуклюжая. Несобранная. Упрямая. Дерзкая. Милая.

Последнее слово он произносит почти шёпотом. И я не верю своим ушам.

— Я... я не милая, — почему-то обижаюсь я. — Я серьёзный специалист. Которого вы собрались уволить в понедельник.

— Если концепция будет дерьмовой — уволю, — спокойно говорит Алекс, поворачиваясь с тюбиком в руках и делая шаг ко мне. — Давай сюда руку.

Я послушно протягиваю ладонь. Босс садится на корточки рядом с креслом, выдавливает на палец крем и аккуратно, чертовски медленно, втирает прохладную субстанцию в моё запястье.

Пальцы Алекса скользят по моей коже, и по телу бегут мурашки.

Я перестаю дышать.

— Так лучше? — спрашивает Алекс, поднимая на меня глаза.

Мы слишком близко. Я вижу каждую ресницу. Вижу лёгкую щетину на скулах. Вижу, как расширяются его зрачки. И в них нет холода. Там что-то такое, отчего у меня внутри всё дрожит.

— Л-лучше, — заикаюсь я.

Босс не убирает руку. Он водит большим пальцем по моему запястью, по тому месту, где бьётся пульс. Наверное, он чувствует, как бешено колотится моё сердце.

— Агата, — говорит он низко.

— Что?

— Ты когда-нибудь задумывалась, почему я так к тебе придираюсь?

— Потому что вы самовлюблённый индюк и просто козёл? — вырывается у меня, и я густо краснею.

Он смеётся. Искренне, удивлённо.

— Может быть. А может, потому, что ты единственная, кто мне дерзит в ответ? Все остальные трясутся, подлизываются, бояться. А ты — нет. Ты огрызаешься. Ты красишь волосы в розовый назло мне. Ты носишь уродские эти свитера. Я их ненавижу только потому, что они скрывают твою фигуру, и я не могу на тебя смотреть.

Я замираю.

— Что?

Он вздыхает, отпускает мою руку, встаёт, отходит к окну.

— Восемь месяцев, Агата. Восемь месяцев я пытаюсь выкинуть тебя из головы. Я придираюсь к тебе, потому что когда я не придираюсь, я думаю о том, какие у тебя губы. И глаза. И как ты смеёшься, когда забываешь, что я рядом. Я злюсь на тебя, потому что ты занимаешь мои мысли двадцать четыре на семь, а я слишком стар для этой херни.

Я молчу. Просто сижу и смотрю на его спину. На его плечи. На то, как он напряжён.

— Алекс... — впервые называю его по имени без «вы».

Он поворачивается.

— Что?

— Ты поэтому хочешь меня уволить? Потому что я... тебе нравлюсь?

— Я хочу тебя уволить, потому что, если ты не уйдёшь сама, я сделаю что-то, о чём мы оба пожалеем. Я слишком старый для тебя. Я твой начальник. Это до хрена проблем.

Я встаю с кресла. Подхожу к нему. Останавливаюсь в шаге.

— А если я не хочу уходить? Если мне плевать на проблемы?

Он смотрит на меня долго, изучающе.

— Ты понимаешь, что говоришь?

— Я понимаю, что ненавижу тебя восемь месяцев, — говорю я тихо. — Но, кажется, это была... не ненависть.

Босс делает шаг ко мне. Ещё один. Мы стоим почти вплотную.

— Ты когда-нибудь целовалась с начальником?

— Что? — переспрашиваю я шёпотом.

— Я спросил, есть ли у тебя опыт совмещения работы и личного.

Я молчу. Я, кажется, вообще разучилась говорить.

— Ты меня слышишь? — спрашивает он.

— Д-да.

— И?

Я должна сказать что-то умное. Что-то в духе сильной, независимой женщины. Что это неприемлемо. Что это харасмент. Что нам нужно сохранять дистанцию.

Вместо этого я говорю:

— А вы?

— Что — я? — приподнимает уголок губ Алекс.

И от этого у меня по коже проносится просто табун мурашек.

— Вы целовались со своими... стажёрками?

Он смеётся. Потрясённо так.

— Нет. Ты первая. И последняя. Если бы я знал, что это так мучительно, я бы либо уволил тебя в первый же день, либо...

— Либо что?

— Либо сделал это раньше.

Алекс наклоняется ко мне.

Этот поцелуй не то, чего я ожидала. Никакой нежности. Никакой романтики.

Это голод. Чистый, мужской голод.

Он целует жадно, требовательно. Его рука зарывается в мой пучок, растрепав волосы окончательно, карандаши падают на пол.

Босс притягивает меня к себе, я практически сползаю с кресла к нему в объятия. Его губы тёплые, мягкие, но настойчивые. Я чувствую вкус кофе и мяты.

Я таю. Превращаюсь в лужу. В лужицу счастья и шока.

Алекс отрывается от меня на секунду, смотрит в глаза.

— Ты как?

— Я... я не знаю, — выдыхаю я.

— Я тоже, — усмехается он и снова целует меня.

На этот раз медленнее. Глубже. Изучая. Я чувствую его язык, отвечаю, сначала робко, потом смелее. Мои руки сами собой зарываются в его светлые волосы. Они мягкие, как у мальчишки.

В какой-то момент я понимаю, что мы уже не в кресле. Мы на диване у стены. Я сижу у Алекса на коленях, верхом. Мой свитер задрался, и руки босса гладят мою голую спину.

— Агата, — стонет Алекс мне в шею, целуя ключицу. — Агата, если ты не скажешь сейчас же стоп, я не смогу остановиться.

— А нам разве нужно останавливаться? — спрашиваю я, и голос звучит хрипло и словно не мой.

Он замирает. Отстраняется. Смотрит на меня. Я, наверное, выгляжу безумно: покрасневшаяся, губы припухли, во-

лосы дыбом.

— Ты серьёзно?

— А вы? — парирую я.

— Опять «выкаешь», — морщится босс. — Когда мы вот так сидим, давай без «вы». Я просто Алекс.

— Алекс, — пробую я на вкус. — Я постараюсь...

Он снова целует меня, но быстро отрывается, кладёт руки мне на талию.

— Я хочу тебя, — говорит он прямо. — Но я не хочу, чтобы потом ты пожалела.

— Я хочу тебя больше, — отвечаю я, удивляясь своей смелости. — И я не пожалею.

— Агата...

— Целуй.

Он смеётся. Смеётся и целует меня снова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.